

ЧЕЛОВЕК В КОНТУРАХ ТЕХНОНАУКИ. КОММЕНТИРУЯ КОММЕНТАРИИ¹

A MAN WITHIN THE FRAME OF TECHNOSCIENCE. REPLY TO CRITICS

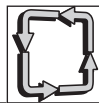
Б.Г. Юдин

Прежде всего хотелось бы поблагодарить коллег, высказавших свои соображения по поводу моего доклада и подготовленной на его основе статьи. Представленные ими тексты позволили мне увидеть, с одной стороны, свои собственные недоработки, недосказанности и т.п., с другой — те аспекты моих построений, которые требуют более основательного развертывания.

Как мне стало ясно после ознакомления с комментариями коллег, я не смог достаточно четко описать взаимодействие двух контуров технонауки — внутреннего и внешнего. В моем понимании эти контуры имеет смысл воспринимать не как два разных объекта, а как две разные проекции одного и того же объекта. Это значит, что внутренний контур — лаборатория — не есть нечто отдельное, имеющее четкие границы и четко определенные входы и выходы. Множеством самых разнообразных, весьма насыщенных связей он соединен с каждым из блоков внешнего контура — с бизнесом, обществом, человеком. Поэтому я не готов вполне согласиться с О.Е. Столяровой, когда она соотносит внутренний и внешний контуры с разработанным в рамках истории и философии науки противопоставлением интернализма и экстернализма. Мне представляется, что понятие технонауки в определенном смысле снимает само это противопоставление.

Весьма интересным в этой связи представляется проводимое Столяровой со ссылкой на Т. Куна различение «классических» и экспериментальных наук. Именно последние, по мысли Столяровой, являются эпистемологической основой технонауки. Я не могу не согласиться с этой точкой зрения, правда, с одним дополнением. Мне когда-то приходилось проводить близкое по смыслу различение между науками, методология которых основывается на наблюдении изучаемых объектов (ср. Гёте: «видеть вещи, как они есть»; подобные взгляды разделяли, между прочим, П.А. Кропоткин и В.А. Вернадский), и науками экспериментальными, методы получения знаний в которых предполагают воздействие на изучаемые объекты, вмешательство в интересующие исследователя процессы (ср. К. Маркс: «... дело заключается в том, чтобы изме-

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 15-18-30057.

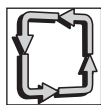


нить его [мир. — *Б.Ю.*]». Этот знаменитый тезис, конечно, вполне применим не только и не столько к миру в целом, сколько к отдельным объектам, включая и человеческих индивидов). Впрочем, в науке Нового времени (за исключением медицинских наук) довольно долго человек оставался объектом скорее наблюдения, чем экспериментирования. За этой разграничительной линией стояли помимо всего прочего определенные ценностные установки, эрозия которых началась лишь в XX в. В конечном счете характерный уже для последних десятилетий прошедшего века бурный прогресс биомедицинских технологий, которые с неизбежностью предполагают самые разнообразные воздействия на человека, вкупе с этим изменением ценностных установок и создал необходимые условия для того, чтобы стали столь востребованными искания в области «улучшения» человека.

Мне представляется весьма существенным то, о чем пишет О.Е. Столярова в конце своей статьи. Действительно, «улучшение» человека для меня интересно не столько само по себе, сколько в качестве своего рода методологии его познания, его экспериментального изучения. Если еще раз вспомнить (и перефразировать) Маркса, анатомия «улучшенного» человека, постчеловека — ключ к анатомии человека. И эта методология опять же не есть что-то внешнее, что-то вроде метауровня по отношению к контуру технонауки, ориентированному на улучшение человека. Она создается, разрабатывается и действует в самом же этом контуре.

П.Д. Тищенко, опираясь на работу Х. Новотны и Дж. Теста и используя в качестве характеристического примера для своих рассуждений синтетическую биологию, предлагает несколько иную интерпретацию двух контуров технонауки. Он сопоставляет мой внутренний контур с биологическим содержанием этой области знания, а внешний — с теми социальными обстоятельствами и взаимодействиями, в рамках которых нарабатывается это содержание. В этих рассуждениях коллеги меня привлекает сам выбор синтетической биологии в качестве примера технонауки, поскольку таким образом подчеркивается ее конструктивистская направленность. Отмечу также, что, к сожалению, в нашей философии науки синтетическая биология пока что не привлекает должного внимания. Между тем она чрезвычайно интересна с эпистемологической точки зрения, поскольку ее конечный замысел — создание из неживого материала своего рода строительных кирпичей, на основе которых можно будет собирать не только организмы, аналогичные существующим, но и совершенно новые, ранее невиданные формы живого.

В то же время я не готов всецело принять разделение биологических (знаний) и социальных (взаимодействий) в том виде, как оно проводится Тищенко. На мой взгляд, биологические знания и технологии выступают в качестве субстрата, по поводу которого осуществ-

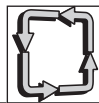


ляются социальные взаимодействия; последние же, безусловно, имеют место и во внутреннем контуре технонауки. Принципиальное значение при этом имеет задаваемая лабораторией взаимосоотнесенность биологической материи и выстраиваемого по ее поводу социального контекста. Внутренний контур технонауки пропитан социальной ничуть не меньше внешнего. Важно же для меня то, что внутренний контур занимает выделенное, центральное место во всей конструкции технонауки, что через него и по поводу него осуществляются все взаимосвязи и взаимодействия между блоками.

Е.В. Брызгалина весьма остроумно и точно воспользовалась строками Иосифа Бродского, предвидевшего грядущее кардинальное изменение того мира, в котором мы живем и который в скором времени будет «покрыт паутиной лабораторий». Действительно, именно лаборатория технонауки становится сегодня главным источником перемен в окружающем нас мире, а теперь уже все больше и в нас самих. Бродский переключается здесь с другим певцом лаборатории, Б. Латуром, который видит в ней буквально Архимедов рычаг: «Дайте мне лабораторию, и я переверну мир». Брызгалина прослеживает несколько траекторий, которые берут начало в лабораториях и ведут к новому, «улучшенному» человеку. При этом она совершенно справедливо обращает внимание на то, что движение по этим траекториям порождает весьма серьезные проблемы ценностного характера. Действительно, эти проблемы сегодня становятся полем острейших дискуссий, которые, как мне представляется, во многом определяют и будут определять будущее человека и человечества. Автор показывает могущество и громадный потенциал некоторых технологий «улучшения»; при этом, однако, имеет смысл еще раз процитировать Латура, писавшего о способности «вещей давать сдачи». Учитывая эту далеко не всегда приятную способность вещей, следует иметь в виду, что предлагаемые и ожидаемые технологии «улучшения» могут нести в себе всякого рода риски, угрозы и неприятности.

В связи с этим я хотел бы оспорить утверждение Е.В. Брызгалиной о том, что «для развития технонауки социогуманитарные обсуждения и не являются фактором, который может остановить ее развитие», поскольку, возвращаясь к стихам Бродского, «молоко уже пролито». Я, со своей стороны, считаю, что социогуманитарные обсуждения играют и будут играть все более значимую роль — скорее всего, не столько конститутивную, сколько регулятивную, реализуемую на уровне отдельных технологий или групп технологий, таких, например, как та же упоминаемая Брызгалиной ксенотрансплантация.

Когда-то технология ксенотрансплантации порождала множество ожиданий и одновременно — опасений. Однако в 2003 г., после того как Совет Европы принял рекомендации относительно этой технологии, ожесточенные дебаты вокруг нее постепенно стихли. В реко-

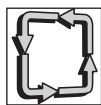


мендациях были зафиксированы риски, которыми чревато применение ксенотрансплантации, и определены меры защитного характера, относящиеся не только к собственно технологическим, но и к социально-этическим аспектам разработки и применения этой технологии. Хочу подчеркнуть, что в выработке рекомендаций существенную роль сыграли именно специалисты социально-гуманитарного профиля. Это — один из конкретных примеров «мягкого» управления (governance), действующего не столько путем законодательных запретов, сколько поисками консенсусов и компромиссов, дискуссиями, иногда весьма острыми и продолжительными, между заинтересованными сторонами, каждая из которых преследует собственные интересы, но так или иначе вынуждена учитывать интересы других сторон.

Трое авторов — Е.Г. Гребенщикова, В.А. Луков и О.Е. Столярова — в разных формах обратили внимание на особую роль человека, являющегося «мишенью», на которую направлены технологии «улучшения». Этот человек зачастую выступает не как их пассивный потребитель, а, напротив, как активный искатель (агент), готовый ставить эксперименты на самом себе, охотно идущий на риски, с которыми бывает сопряжено применение этих технологий. Выраженный интерес коллег к этой теме компенсирует мое упущение в исходной статье, в которой мне не удалось в должной мере зафиксировать эту особенность технонауки. Активность потребителей, как потенциальных, так и актуальных, хорошо иллюстрирует такую особенность технонауки, которую характеризуют как *распределенное производство знаний*, в котором участвуют не только профессиональные исследователи и разработчики технологий, но и рядовые граждане.

Как отмечает Гребенщикова, одной из ключевых особенностей технонауки является способность «встраиваться в предпочтения и интересы потребителей до появления реального продукта». Побудительным импульсом для создания новых технологий, как правило, становятся ожидания и запросы потребителей. Исследователи, работающие в области STS, используют понятие *социотехнических мнимостей* (socio-technical imaginaries). Под такой мнимостью понимается сформированный, обычно под влиянием СМИ, образ еще не существующего будущего продукта, будущей технологии. Этот образ обретает значительную побудительную силу, что позволяет координировать решения и действия множества людей, так или иначе заинтересованных в создании новой технологии.

Мне представляется весьма перспективным то осмысление *социальной* роли улучшающих технологий, которое предлагает в своей статье В.А. Луков. Он обращает внимание на то, что в качестве движущей силы в продвижении этих технологий, как и вообще всего нового, обычно выступает молодежь, среди которой интерес к ним рас-



пространятся особенно быстро. Учитывая решительную трансформацию коммуникационной среды под воздействием новых информационных технологий и средств межличностной коммуникации, отмечает он, «некое действие по “улучшению” человека, производимое в отношении отдельного индивида, без заметных временных интервалов и пространственных препятствий становится общеизвестным и, можно сказать, общеожидаемым, т.е. не только индивидуально, но и социально значимым».

Я вполне согласен с Луковым, когда он подчеркивает необходимость социально-философского осмысления того обстоятельства, что «мы стоим на пороге массовых действий, которые можно назвать “перезагрузкой проекта человека”». Пока еще мы можем утешать себя тем, что современные технологии улучшения человека делают лишь первые шаги, а потому и связанные с ними риски невелики. Если, однако, воспользоваться концепцией социотехнических мнимостей, то можно констатировать, что различные формы и разновидности Homo enhanced уже поселяются в нашем сознании, они уже влияют на наше восприятие и сегодняшних, и будущих реалий, воздействуя, таким образом, и на то, какими мы видим самих себя и свое будущее. И это уже сегодня ставит нас в ситуации, требующие ответственного выбора, притом выбора не однократного, а такого, который надо будет обосновывать и совершать снова и снова, по мере того как станут раскрываться новые, все более впечатляющие, все более внушительные, но одновременно и все более рискованные технологические возможности «улучшения» человека.